

(ПП: Дракон поднимает голову (2 февраля по лунному календарю), также известный как Фестиваль весенней пахоты, является традиционным китайским народным праздником. «Дракон» относится к семи созвездиям Восточного Цанлуна среди двадцати восьми созвездий. Звезда Рога Дракона поднимается на восточном горизонте, поэтому он называется «Дракон поднимает голову».)

Эта ярмарка на Фестивале фонарей, можно сказать, прошла весьма успешно.

Цин Янь сделал свои выводы: товары так хорошо продавались по нескольким причинам. Во-первых, за счет новизны. Во-вторых, благодаря тому, что цены были ниже, чем у аналогичных изделий. В-третьих, товары отличались высоким качеством, побеждая конкурентов за счет надежности. И, наконец, ключевой продукт привлекал поток покупателей, что позволяло продавать и те вещи, которые не обладали такой сильной конкурентоспособностью.

Единственное, что немного омрачало успех, — это то, что товаров оказалось недостаточно. Когда ярмарка только началась и поток людей был особенно большим, все уже раскупили. Даже когда они стали сворачивать лавку, находились те, кто продолжал интересоваться.

Однако времени на подготовку в этот раз было мало. У тети Ли оставался лишь небольшой запас приготовленного заранее крема «Снежинка», а духи она так и не успела сделать. А У Цюнянь пришлось выставить на продажу даже те мелочи, которые она вязала для своего ребенка. Теперь, вернувшись домой, ей придется заново делать вещи для Няньшэна.

Цин Янь тоже не успел приготовить много товаров, такие как волчки или бусы требуют тщательной работы и времени.

В тот вечер они вернулись домой уже глубокой ночью, и каждый разошелся по своим домам, чтобы лечь спать.

На следующее утро Цин Янь отправился во двор соседей подмести его. Тетя Ли подошла к нему и, держа небольшой тканевый мешочек, попыталась вручить его ему. На ощупь он сразу понял, что внутри серебряные монеты. Он поспешно вернул мешочек обратно, спросив:

— Тетушка, зачем вы это делаете?

Тетя Ли сжала мешочек и не позволила ему вернуть:

— Вчера я продала всего пятьдесят семь баночек крема. Сырье для него я сама собирала, а кости, из которых варила основу, остались после семейных обедов. Все это обошлось всего в несколько медных монет. А на каждой баночке я чистыми заработала по восемьдесят вэнь.

Она показала это руками и продолжила:

— А ведь эти маленькие фарфоровые баночки и золотую бумагу купил ты. Надписи на них тоже делал ты, одну за другой, и продавал их, зазывая покупателей. Если бы ты не сказал, что это можно продать, я бы и не подумала. Жить без совести нельзя. По восемьдесят вэнь с каждой баночки — половину я должна отдать тебе.

Цин Янь наотрез отказался:

— Баночки и бумага стоили совсем недорого. Да и на ярмарке продавались не только крема. Я свои деревянные поделки тоже продал, так что воспользовался потоком покупателей, который привлекли ваши крема. Вы для меня, как родная тетушка, эти деньги я не могу принять.

Но тетя Ли была непреклонна:

— Так нельзя говорить, Цин Янь. Тетушка совершенно не умеет торговать. В будущем я все равно буду заниматься лишь изготовлением, а продавать смогу только с твоей помощью. Если ты не возьмешь деньги, то я даже не смогу к тебе потом обратиться!

Они долго препирались, пока Цин Янь, наконец, не согласился взять половину из того, что было в мешочке.

Позднее пришла и У Цюнянь. Она тоже хотела отдать Цин Яню часть выручки, но Цин Янь на этот раз наотрез отказался. Он лишь договорился с У Цюнянь, что в следующий раз, когда они устроят прилавок, они снова вместе все организуют.

У Цюнянь, разумеется, с радостью согласилась. В этот раз она ощутила сладкий вкус успеха, и, вернувшись домой, уже размышляла, что приготовить для следующей продажи.

Глядя на Цин Яня, она чувствовала искреннюю радость. Раньше, когда второй брат заявил, что собирается жениться, она и Саньяо немного волновались. Их родственные связи были слабыми, и часто приходил только второй брат. Они боялись, что он женится на женщине с тяжелым характером или трудным в общении нравом, а тогда, возможно, даже эти редкие визиты прекратятся.

Но теперь она поняла, что вторая невестка не только красивый и милый, но и обладает добрым нравом, умом и невероятной предусмотрительностью, несмотря на свой молодой возраст.

Второй брат действительно счастливчик.

После ужина, когда все дела были завершены, Цин Янь открыл ящик под кроватью и положил туда выручку от продажи. На этот раз он получил более четырех лян серебра. Вычтя затраты на древесину и лаки, он чистыми заработал три с половиной лян. Кроме того тетя Ли дала ему еще один лян с небольшим. Итого получилось около пяти лян.

После Нового года начался сезон наибольшего спроса. Цю Хэнянь ежедневно приносил домой по пять-шесть лян серебра. Если он сдаст заказ на сельскохозяйственные инструменты для зажиточной семьи в городе, то получит еще крупную сумму. Конечно, часть этих денег нужно будет потратить на материалы, но останется все равно немало.

К тому же из тех 125 лянов, которые у них были до Нового года, за праздники ушло около двадцати, и ровная сумма в девяносто лян все еще оставалась.

Добавив к этому доход после праздников, они теперь имели сто пятьдесят пять лян.

Цин Янь, обняв мешочек с серебром, сидел на краю кровати рядом с Цю Хэнянем и улыбался, счастливо щурился глазами. Хотя эта сумма уже не вызывала того восторга, который он испытал, когда выиграл пять миллионов, теперь он чувствовал куда большее спокойствие и удовлетворение.

Вечером, как обычно, он немного почитал. Если раньше он понимал лишь малую часть, то теперь уже мог понять почти все. Правда, хотя он знал многие иероглифы, писать их правильно получалось не всегда.

Закончив с книгой, Цин Янь лег в постель. Цю Хэнянь погасил свет, и они отправились спать.

У Цин Яня не было никаких забот, и он быстро уснул.

Неизвестно, сколько прошло времени, но вдруг он увидел во тьме пару глаз. Эти глаза были невероятно красивыми, и при этом до боли знакомыми. Пока он старался вспомнить, где мог их видеть, зрачки этих глаз внезапно стали темно-красными, словно адский огонь, вырывающийся наружу. Огонь обрушился на него, обжигая и причиняя нестерпимую боль.

Цин Янь вскрикнул и сел на кровати. Мужчина, спавший рядом с ним, проснулся от его крика. Он тоже сел и обнял Цин Яня, спрашивая:

— Цин Янь, что случилось?

Только что приснившийся сон был совершенно абсурдным, но эта ошеломляющая реальность заставила сердце Цин Яня биться так быстро, что он едва мог говорить. Дрожащим голосом он произнес:

— Мне только что приснился кошмар. Я видел пару глаз...

Он подробно рассказал свой сон от начала до конца, не упуская ни единой детали, включая жгучую боль, которую он испытал, когда огонь обрушился на него, почти лишив дыхания.

Цин Янь все еще находился во власти ночного ужаса, его тело сотрясала дрожь. Поэтому он не заметил, как изменилось выражение лица мужчины, пока тот слушал его рассказ, и не обратил внимания на его необычное молчание.

Через некоторое время Цин Янь начал приходить в себя. Он поднял глаза и посмотрел на мужчину в полумраке. Лицо Цю Хэняня снова приобрело спокойное, привычное выражение. Мужчина нежно провел ладонью по тонкой спине Цин Яня и мягко сказал:

— Это всего лишь сон, времени еще много. Ложись спать, я побуду рядом, присмотрю за тобой.

Цин Янь кивнул, вновь улегся, завернувшись в одеяло так, что снаружи осталось только его светлое, чистое лицо. Под одеялом он крепко держал руку Цю Хэняня, закрывая глаза и медленно погружаясь обратно в сон.

На рассвете Цин Янь обнаружил, что мужчина, который обычно вставал раньше него, все еще лежит в постели. Однако он не спал, а смотрел в потолок, явно задумавшись о чем-то важном. Цин Янь удивленно толкнул его в плечо. Цю Хэнянь словно очнулся от своих мыслей и перевел взгляд на юношу.

— Почему ты сегодня не торопишься в кузницу? — спросил Цин Янь. — Эти дни вы так заняты, скоро же нужно отправить инструменты для хозяйских угодий.

Цю Хэнянь услышав это, наконец сел и сказал:

— Почти все готово, особо спешить не нужно.

Затем Цин Янь ошеломленно наблюдал, как мужчина откинул полог кровати, аккуратно закрепил его и, расслабленно потянувшись под утренним светом, начал снимать свою ночную одежду, небрежно бросая ее на постель.

У Цин Яня в голове тут же пронесся рой мыслей, а лицо мгновенно запылало.

Несмотря на всю их близость, он до сих пор ни разу не видел обнаженное тело своего супруга. И только сейчас он понял, что значит воплощение силы и красоты.

Цин Янь схватился за нос, отчетливо ощущая, как жар снова охватывает его тело.

Цю Хэнянь, словно почувствовав взгляд, обернулся, взглянул на него и заставил Цин Яня быстро отвлечься, притворившись, что он ничего не видел. Когда он снова решился посмотреть, мужчина уже оделся, тщательно скрыв свое величие под тканью.

Цин Янь тихонько цокнул себе под нос, сожалея, что не смог проявить больше уверенности.

Погода постепенно теплела, но иногда внезапно начинались сильные снегопады, вновь снижая температуру, которая едва начала повышаться. Заказанные городскими богачами железные изделия были доставлены вовремя. Глава той семьи оказался весьма щедрым: расчет был произведен сразу же, без задержек.

Цю Хэнянь принес домой целых сто лян серебра. Цин Янь отложил пятьдесят лян на закупку материалов, а оставшиеся спрятал в самом дальнем углу ящика. Домашние сбережения наконец-то стали немного весомее.

В день второго числа второго месяца снова выпал густой снег. Но, как утверждали деревенские старики, это могла быть последняя крупная метель в этом сезоне.

Накануне вечером Цин Янь достал из снежного завала замороженную свиную голову и оставил оттаивать. Утром после завтрака Цю Хэнянь разжег огонь, чтобы опалить с головы остатки щетины, а затем аккуратно разрубил ее топором на две части.

Тем временем Цин Янь как раз разогрел масло в котелке. Бросив в него лук и имбирь, он поджарил их до аромата, а затем добавил обе половины свиной головы. После того как мясо подрумянилось, он залил его водой, положил специи, соль и немного зеленой пасты, накрыл крышкой и оставил медленно тушиться.

Ближе к полудню мясо было готово, и его достали, чтобы остудить. Из ушей и пяточка нарезали тарелку холодной закуски. Одну часть мяса порезали ломтиками и приправили острым перцем, зеленым луком и имбирной соломкой, сделав холодный салат. Другую часть потушили вместе с картофелем.

Кроме этого Цю Хэнянь сварил суп из рыбы, а для баланса вкусов обжарил кислую капусту с уксусом, чтобы немного освежить жирные блюда. Цин Янь нарезал пару домашних колбасок и приготовил большую сковороду сочной яичницы золотисто-желтого цвета. Так получилось шесть блюд и суп – отличный праздничный стол.

В этот день Цин Янь и Цю Хэнянь пригласили в гости семью Ван Саньяо – мужа, жену и их ребенка – а также тетю Ли. Праздник удался: гости ели с удовольствием, обсуждая новости и шутя за столом.

Ван Саньяо привез с собой из уезда кувшин ароматного вина, сделанного из клейкого риса и яблок. Оно источало тонкий фруктовый аромат. Услышав это, У Цюнянь, жена Саньяо, не удержалась и решила попробовать. Взрослым налили вина, а малышу подали что-то безалкогольное.

Тетя Ли сделала всего один глоток и сразу отказалась от вина, прикрыв рот рукой и сказав, что у нее от него кружится голова. Цин Янь, напротив, нашел это вино мягким и приятным. Оно не обжигало, а, наоборот, оставляло легкое сладковатое послевкусие. У Цюнянь оказалась куда более крепкой на выпивку и увлеклась настолько, что на пару с Цин Янем и мужчинами они незаметно выпили весь кувшин.

Когда вино закончилось, У Цюнянь, еще не остыв от веселья, захотела достать еще. Но их ребенок, Няньшэн, уже засыпал за столом. Ван Саньяо напомнил, что мальчику завтра надо на занятия к господину Чжану. Только тогда У Цюнянь, засмеявшись над собой, вспомнила, что она мать, и начала собираться домой. Взяв мужа и ребенка, она, пошатываясь, ушла.

После их ухода тетя Ли помогла Цю Хэняню убрать со стола и перемыть посуду. Только закончив с домашними делами, она тоже отправилась домой.

Цю Хэнянь проводил ее до двери, закрыл калитку и постоял в тишине двора, словно наслаждаясь ночным воздухом и давая себе время прийти в себя после выпитого.

Спустя некоторое время он вернулся в дом, запер дверь и прошел в спальню.

На широкой кровати с резным изголовьем Цин Янь лежал на боку, свернувшись калачиком. Он повернулся лицом к комнате и укрылся лишь краем одеяла. Волосы его были растрепаны, а обнаженные ноги, выглядывающие из-под покрывала, казались хрупкими и бледными. Эти изящные ступни выглядели так, словно их обладатель почти не ходит пешком. Неудивительно, что каждый раз, когда они выходили из дома, Цин Янь неизменно либо садился в повозку, либо просил его нести.

Цю Хэнянь поставил лампу на столик у кровати, затем сел на край ложа. Его взгляд задержался на лице Цин Яня. Он долго рассматривал утонченные черты, затем опустил взгляд ниже — на аккуратный подбородок, и остановился на застежках его одежды.

Глаза Цю Хэняня потемнели, в них отразилось нечто глубокое и неясное. Протянув руку, он расстегнул одну из пуговиц, затем склонился ниже и поцеловал мягкие, чуть приоткрытые губы.

Цин Янь тихо простонал, не просыпаясь, и обвил его шею руками.

Цю Хэнянь углубил поцелуй, его ладонь медленно скользнула вниз, обхватив одну из обнаженных ступней, выглядывающую из-под одеяла. Грубый, привычный к тяжелому труду большой палец начал мягко и терпеливо поглаживать нежную кожу на своде ступни.

Вскоре тело Цин Яня выгнулось дугой, и десять пальцев ног невольно сжались, а сам он, дрожа, запрокинул голову, раскрыв губы, чтобы еще глубже ощутить его поцелуй.

Спустя некоторое время на лбу Цю Хэняня выступили жилы, он сдержанно отступил назад. Цин Янь, закрыв глаза, издал недовольный стон и, не желая отпустить, потянулся к нему.

Взгляд Цю Хэняня стал тяжелым, кадык заметно двигался, а напряженное лицо выдавалось эмоции. Его голос, словно рожденный глубоко в груди, прозвучал низко и хрипло:

— Цин Янь, пусть твой муж позаботится о тебе, хорошо?

После этих слов Цин Янь, который продолжал стремиться в его объятия, вдруг замер, а затем его затуманенные влагой глаза распахнулись.

С ужасом в глазах он посмотрел на Цю Хэняня и тихо прошептал:

— Прощу, не надо... Мне очень больно.

Услышав это, выражение лица Цю Хэняня мгновенно помрачнело.

Как и следовало ожидать, Цин Янь ничего не помнил о случившемся. Но даже в бессознательном состоянии он не забывал отвергать его.

<http://bllate.org/book/13590/1205186>